

УДК 811.161 + 81-112 +81-11

К ВОПРОСУ О СИНЕСТЕТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ В ДИАХРОНИИ

Василькова Н.И.¹, Коч Н.В.²

¹ Николаевский национальный университет им. В.А. Сухомлинского,
г. Николаев, Украина

² Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, г. Киев, Украина

В статье рассматривается вопрос формирования синестетической метафоры в диахронии и особенности ее языкового воплощения в памятниках письменности восточных славян XI-XVII вв.

Ключевые слова: синестетическая метафора, диахрония, языковая презентация.

В работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» обосновывается точка зрения, согласно которой когнитивная метафора является важнейшим звеном процесса освоения мира, обеспечивающим перенос понятийных сфер сенсорных знаний (биологически и исторически сформированных ранее) на абстрактные сферы познания [3]. Когнитивные метафоры, которые облегчают процесс мышления, предоставляют сенсорный опыт, помогающий осваивать инновационные абстрактные концепты, и выступают в качестве «подсказки» для усвоения отвлеченных категорий, о чем пишут в своих работах Э. Рош, М. Тернер. С помощью совокупности метафор, лежащих в основе мышления, формируется сеть абстрактных концептов, «укореняющихся» в индивидуальном опыте человека, который в свою очередь проецирует субъективные характеристики своей когнитивной карты на всякого рода абстракции. Следовательно, метафора, с позиций когнитивистики, это *двусторонняя (сенсорно-интеллектуальная) промежуточная репрезентация опыта, первоначальным компонентом которой является сенсорное звено.*

Существующая в языке так называемая *синестетическая метафоризация*, основанная на психологическом процессе синестезии (установлении ассоциаций между разными системами восприятий), является демонстрацией такого рода репрезентации. *Цель данного исследования – установить особенности формирования в диахронии синестетической метафоры, презентированной в памятниках письменности восточных славян лексическими средствами.* Синестезия, которая рассматривается как способ невербального мышления, имеет в языке огромное количество своих воплощений – *синестетических метафор*, многие из которых уже не воспринимаются нами как образные выражения.

Семантические дериваты, возникшие в результате переинтеоризации внешней информации во внутреннюю, имеют метафорическую природу и, как правило,

основываются на таком типе ассоциативных отношений между денотатами, как сходство или отличие. В основе определения этих видов ассоциации лежат противопоставления природного и культурного характера. Значение метафоры формируется на основе типичных характерных признаков называемого класса объектов и их аналогов, которые соотносятся с субъектом метафоры. При этом характерной семантической трансформацией является переход от конкретного, чувственно воспринимаемого понятия к абстрактному.

Осмысление абстрактных сфер познания, которые задаются системой неосознанных метафор, обусловлено первоначальными чувственными представлениями. Сенсорный опыт человека является основой, прототипической ситуацией для формирования метафорических структур ядра и информационного поля концепта или метафор-концептов. Один из способов выявления таких единиц мышления состоит в исследовании их репрезентаций средствами естественного языка. При этом язык выступает как важный источник данных о том, что представляет собой понятийная система мышления. Языковая картина мира, создаваемая при участии такой метафоры, имеет обратное действие – влияет на мировосприятие человека.

Современные исследования по когнитивной лингвистике, базирующиеся на научных достижениях физиологов и психологов, подтверждают положение о необходимости выделения сенсорного компонента как составляющей наших первоначальных ментальных представлений объектов действительности. А.А. Залевская, цитируя И.М. Сеченова, изучавшего пути формирования мысленных абстракций из чувственных впечатлений, подчеркивает роль сенсорики в начальном образовании концептов [2, с. 40]. Профессор И.А. Стернин, описывая структуру концепта, определяет его основной базовый слой как «чувственный образ, кодирующий концепт как мыслительную единицу в УПК, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки» [5, с. 58].

Широта семантики древнерусского слова объясняется наличием в нем культурно-исторического, социального и эмотивного компонентов. Нам представляется возможным также выделить в слове такую важную познавательную структуру, которая является фундаментом наших первичных знаний о мире, как *чувственный (сенсорный) компонент*. Презентация такого компонента осуществляется через семантику концептообразующего слова, план содержания которого проецирует свой чувственный слой на информационное поле концепта [4, с. 57-62]. Метафорические значения слов в большей степени, чем первичные, сохранили в себе реликты пралогической и мифологической сенестезии, которая наиболее ярко представлена в «*телесно ориентированных*» метафорах.

Исследователи мифологии, фольклора и письменных источников отмечают межкультурную универсальность уподобления частей тела человека объектам и явлениям живой и неживой природы и наоборот. Например, земля и ее пространственные категории, небо и вода, а также различные материальные строения мыслились в телесных категориях. Так, одним из значений слова «голый» в древнерусском языке являлось значение «незастроенный», что отразилось в

географических названиях того времени (СлДРЯ, II, с. 351). В строительном деле древнерусские зодчие использовали названия составных частей сооружения – *голова, шея* (Кочин, с. 422, 423). Лексема *губа* означала «район, территориальная административная единица» (ср. *губной староста*) (Кочин, с. 78) Кроме значения «внутренние органы», «внутренняя полость в теле», «середина, сердцевина», слово *нутро* (*нутрь, нутрь*) означало – «внутренняя часть чего-либо», «внутренняя отделка, внутреннее оборудование помещения» (*нутренний городъ* «внутренняя городская крепость», *нутренний человекъ* «духовная сущность человека»; ср. *показал свое нутро*) (СлРЯ, XI, с. 448-450). *Нэдро(а)* в значениях «лоно», «грудь». «живот; нижняя часть живота», «пазуха» переосмыслилось в сочетании *недра земные* «глубинные запасы полезных ископаемых» (ср. *недро (лоно) Авраамле* «место захоронения праведников», *недра отчие* «единосущность Троицы») (СлРЯ, XI, с. 106-107).

Центральными синестетическими метафорами древнерусской культуры являлись метафоры «церковное тело» и «социальное (мирское) тело», уподоблявшиеся телу человека. Расширенная метафора болезни одного сустава нашей физической оболочки сопоставляется в проповеди святого Дионисия Ареопагита (в форме аллегории) с разладом социальным: *Чресь чина егда въ тэлэ единь съставъ превъзмагаеть, безчиние бываеть ... рекше несмэрение* (ВМЧ, Окт. 1-3 (Дионисий Ареопаг), 494. XIV в.~XV в.).

Сакральное «тело» имело и свои предметные воплощения. Что может сказать наш современник, услышав слова Христа «*Я есмь дверь овцам?*» Неверующий останется в недоумении, верующий и знающий основы христианского учения воспримет метафоричность и символичность фразы. Исследователь религиозных дискурсов, привлекая фоновые знания и метод диахронии, объяснит простую и одновременно сложную аллегорию как поэтапное образование по схеме: буквально – узкая дверь в загоне для овец, которую закрывал собой пастух, чтобы хищные животные и воры не похитили стадо → буквально: *человек (пастух) – дверь* → метафора-символ *Христос – дверь овцам* || *Христос – овчий пастух* || *учение Христа – вход «внутрь», в истинную веру*.

Очень важным в сенсорном представлении человека являлся не только внешний, но и «внутренний» портрет. Понимание «внутри» было непосредственно связано с представлением о закрытом пространстве и его связи с защищенностью телесной (ребенок находится *во чреве/лоне* матери) и защищенностью духовной (мирянин чувствует себя спокойно *внутри* церкви с ее твердыми устоями веры). Выход за пределы своего пространства предвещает угрозы, беды, скитания (см. тексты *хожений* в заморские страны, средневековую литературу об иных измерениях (временах), о выходе души из тела и т.п.). Можно вспомнить и образцы сказочного фольклора, где положение внутри является позитивным, а вне – отрицательно маркированным (сказки «Теремок», «Рукавичка»). Неслучайно слово «вон» с первоначальной семантикой «снаружи; за пределами» постепенно приобретает ярко выраженную негативную коннотацию. Концептуально понятие «внутренний» было тесно связано с понятием «дом» (*дом* как материальное строение, как семья и как состояние души: см. например, сочинение преподобного

Дорофея «О созидании и совершении *душевнаго дома* добродетелей» в его «Душеполезных поучениях»).

Черев в значении «живот», «внутренности» этимологически связано с праславянскими формами с семантикой «тело, живот», «мясо, тело», «шкура, кожа», «низ живота, кишка»: ... *разневавъся на мя преторже черевѣ руками* (ЛЛ, с. 123), отсюда – *черевик*, *черевья* «обувь» (ср. диал. *черевко* «ребенок», *очереветь* «забеременеть», блр. *черовы* «родные дети», совр. *чреват* *последствиями*) (Фасмер, IV, с. 337). В терминологических сочетаниях типа *подчеревная пошлина*, *подчеревные деньги* «налог на рождение внебрачного ребенка» закреплена тесная сенсорная связь конкретного телесного понятия с абстрактным понятием «налог».

Диалектное архангельское (шенк.) *черев* «изгиб реки» (по сведениям А. Подвысоцкого) указывает на связь со значением «кишка», которая визуально имеет сходство с червем (ср. диал. *черев* «червь» (Фасмер, IV, с. 335-337). Метафоризация и символизация номинации *червь* связана с вхождением обозначаемого в круг понятий, репрезентирующих идею постоянного методического действия или душевного негативного состояния (ср. *червь сомнения*, *точит червь вины*, *червоточина*). В данном случае явны телесные ориентиры ощущения внутреннего дискомфорта на уровне середины тела (зона сердца, солнечного сплетения, живота).

Синестетичность метафорического воплощения *телесного двигательного опыта* отразилась не только в отдельных словах, но и в создании терминологических сочетаний, обслуживающих самые важные сферы жизнедеятельности человека. Так, в дипломатической и юридической терминологии зафиксировано: *наступити на наследие* «стать наследником, получить наследство» (Корм. Балаш., с. 587. XVI в.) *наступити на ряд* «нарушить договор частного или государственного характера» (ГВНП, с. 280. 1315-1322 г.), *наступити на целование* «то же» (ГВНП, с. 34. 1375 г.); *беглая выть* «складная доля, единица, оставшаяся после бежавшего» (АЮБ, II, с. 303. 1623 г.) и т.п.

Фиксируя в *устойчивых сочетаниях слов* телесно ориентированные метафоры, человек «утверждает» первичность своего телесного опыта. Например, в «Русско-греко-латинском лексиконе» Ф. Поликарпова 1704 г. зафиксированы такие выражения: *набиваю уши словами* «нашептываю, докучаю» (л. 179), *на руку мне сіе* «угодно или в пользу» (л. 185). *Въ ногу несудна* означало «далеко не ровня» (*несудный* «негодный») (СлРЯ, XI, с. 312). Семантическое развитие паремии могло быть долгим и отражало путь от буквального понимания до переносного: *ни в зуб ногой* «при надобности даже дать зуботычину не умеет» → «ничего не умеет» → «ничего не понимает». Лексема *зуб* могла иметь то же метафорическое значение, что и слово *голова* – «единица счета людей». В Новгородской летописи записано: *А сокровища их изыскаша и поимаша беицисла, а избытък разделиша по зубу, по 3 гривне по всему городу* (ЛНовг., I, с. 191). «Пропасть» от частного к общему, от конкретного к абстрактному, от единичного к типичному устраняют метафорические образно-иносказательные, отвлеченные от первоначального смысла устойчивые формулы.

Выводы. Идея функционирования телесно ориентированной когнитивной метафоры, развитая в концепции «воплощенного разума», манифестируется в памятниках письменности на материале лексики. Когнитивная метафора как механизм освоения и осознания действительности человеческим мышлением отвечает за перенос знаний, данных в сенсорном физическом опыте, в абстрактные сферы познания. Возможности телесно ориентированной метафоры воплощались на протяжении многих столетий и закреплялись в номинациях самых различных лексико-семантических групп, деловой терминологии и устойчивых сочетаниях слов, формируя мировидение «человека говорящего» во всех его ипостасях: внутренних, психологических, и внешних, социальных.

Список литературы

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / Арон Яковлевич Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
2. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: [сб. научн. тр.] под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 182 с. – С. 36-44.
3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры: [сборник] / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-416.
4. Пруткая Н.В. Роль сенсорного компонента семантики слова в формировании языкового сознания восточных славян / Н.В. Пруткая // Проблемы межкультурной коммуникации в современном образовательном пространстве. – Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2008. – 396 с. – С. 57-62.
5. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: [сб. научн. тр.] [Под ред. И.А. Стернина]. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 182 с. – С. 58-65.

Список сокращений первоисточников

- АЮБ** – Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изданы Археогр. комиссией под ред. Н. Качалова. – СПб., 1857-1884. – Т. 1-3.
- ВМЧ** – Великие минеи четы, собранные всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Археогр. комиссией: октябрь, дни 1-31. – СПб., 1870-1880.
- ГВНП** – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. С. Валка. – М.–Л., 1949.
- Корм. Балашова** – Кормчая Балашова // Рукопись БАН, 21.5.4.
- Кочин** – Материалы для терминологического словаря Древней России / Сост. Г.Е. Кочин [Под ред. Грекова Б.Д.] – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 487 с.
- ЛЛ** – Летопись Лаврентьевская, владимирский летописный свод 1305 г., по сп. 1377 г. // ПСРЛ, т. 1. – Л., 1926-1927.
- ЛНовг. I** – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / [Под ред. и с предисл. А. Нанасова]. – М. – Л., 1950.
- СлДРЯ** – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: в 10 тт. / Под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Русский язык, 1988. – Т. II.
- СлРЯ** – Словарь русского языка XI–XVII вв.: вып. 1-26 / [Гл. ред. Д.Н. Шмелев] – М.: Наука, 1988. – Т. XI.
- Фасмер** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. / Пер. с нем.; доп. О.Н. Трубачева. – [4-е изд., стер.] – М.: Астрель; АСТ, 2004. – т. IV.

Василькова Н.І., Коч Н.В. До питання про синестетичну метафоризацію у діяхронії // Ученіе запіскі Таврічського національного універсітета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.290-295.

У статті розглядається питання формування синестетичної метафори у діяхронії та особливості її мовного втілення у пам'ятках писемності східних слов'ян XI-XVII ст.

Ключові слова: синестетична метафора, діяхронія, мовна презентація.

Vasilkova N.I., Koch N.V. To the problem of synthetical metaphORIZATION in diachrony // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.290-295.

The article deals with the problem of synthetical metaphor in diachrony formation and the peculiarities its language usage in the Eastern Slavs of the XI-XVII cc. written monuments.

Key words: synthetical metaphor, language usage, diachrony.

Поступила в редакцію 22.03.2011 г.